

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ
НА ИСПАНСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Функциональное описание обращения, как непосредственной составляющей межличностного общения, вписывается в актуальную проблематику исследований, посвященных изучению успешного взаимодействия коммуникантов. Сопоставительный анализ структурно-семантических форм адресации с учетом особенностей их коммуникативно-прагматической реализации в обиходном дискурсе позволяет установить национально-культурные особенности речевого поведения у представителей каждого этноса.

В русле речеактового подхода под обращением понимается «языковое средство, призванное обслуживать сферу человеческого общения и устанавливать связь между высказываниями участников общения, несущее значительную коммуникативную нагрузку и выполняющее ряд речевых функций в процессе непосредственного речевого контакта» [3]. Обращение всегда целенаправленно и соотносено с определенным контекстом. Реализуя себя как элемент дискурса, обращение напрямую связано с соответствующей ему системой координат: участием конкретных личностей (с определенными интересами, целями, намерениями), с темой, регистром речи, конкретным местом и временем. Тем самым обращение становится способным к трансляции не только фактуальной информации, но и модально-экспрессивной, соотносящейся с иллокутивной силой всего высказывания. Обращение редко реализуется самостоятельно, чаще всего оно входит в последовательность речевых актов, подчиняя свою иллокутивную силу иллокутивной силе акта сообщения [4].

В обиходно-разговорном дискурсе в ситуациях аффективного общения с положительной оценочностью основными формами обращений являются: 1) имена собственные (*Коленька, Дашуня, Кацярынка, Fran, Juansa, Raso*); 2) термины родства (*матуля, дачушка, зяцюхна, сыночек, папулечка, мамочка, rari, tataita, tata, rari*); 3) метафоричные оценочные номинации (*даражэнькі, золатка, прыгажуня, мая ясачка; моё сокровище, лапушка, котик, солнышко; cariño, tesoro, corazón, guapa, reina, princesa, preciosa, prenda mía, cielo/cielito*).

В настоящей публикации основное внимание будет сконцентрировано на функционировании имен собственных в указанном дискурсивном поле русского, белорусского и испанского языков. В русском и белорусском языках наблюдается относительно схожая картина: ласковая форма обращения говорящего традиционно выражается посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов. В качестве производной основы могут использоваться полные, усеченные (краткие) и гипокористические (ласковые) формы имен собственных. В белорусском языке «Слоўнік асабовых уласных імён» [6] фиксирует, например, такие варианты: *Надзюша, Кацярынка, Кацярыначка, Анатольчык, Слаўка, Гануля, Натуся, Ленанька, Аляксеяка, Янка, Яська*. Ср. примеры из русского языка: *Дарьюшка, Дашенька, Дашуля, Сашенька, Леночка, Манюня*. И русская и белорусская антропонимические системы характеризуются наличием большого количества формообразующих средств, разнообразием форм субъективной оценки и обилием эмоциональных оттенков в данных формах. Уменьшительные суффиксы, сохраняя свое значение, превращаются в эмоционально-оценочные суффиксы субъективной оценки.

Так, например, суффикс *-енька-* во многих формах русских имен играет ту же структурную и функциональную роль, что и суффикс *-очка-*: формы *Мишенька, Коленька / Мишечка, Колечка* имеют одинаковое значение, относят к одному прагматическому уровню, разница может проявляться в частотности употребления. Уменьшительные имена, образованные при помощи суффикса *-к-*, обретают оттенок пренебрежения, презрения, умаления достоинства именуемого (*Машка, Наташка, Гришка* и т.п.). Исторически это напрямую было связано с существовавшей традицией использовать полуимена (образованные при помощи суффикса *-к-*) для уничижения при обращении лица из привилегированного сословия к более низкому классу. Данное наблюдение хорошо иллюстрирует пример из романа Л. Н. Толстого «Воскресенье», в котором главная героиня Катюша Маслова описывается следующим образом: *Старых барышень было две <...> Софья Ивановна наряжала, учила девочку читать и хотела сделать из нее воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что из девочки надо сделать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала девочку, когда бывала не в духе. Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем – не **Катька** и не **Катенька**, а **Катюша*** [5].

Личное имя, как вместилище разного рода информации – исторической, гендерной, социальной, национально-культурной, чутко реагирует на динамику развития социума. В социальном контексте языкового коллектива наиболее употребительные формы обращения теряют свою экспрессию, а с ней и стилистическую окраску, и начинают использоваться как нейтральные. Согласно исследованию В. В. Звягинцевой в современном русском языке имена собственные на *-ка* (*Танька, Вовка, Галка*) в функции обращения могут передавать как пейоративную, так и мелиоративную оценку, особенно в детской и подростковой среде [3]. Особенность прагматического значения форм *Васька, Васенька* состоит в том, что, употребляясь по отношению к детям, они указывают на младший возраст (или недостаточную зрелость): *Гришенька* – совсем маленький, *Гришка* – ребенок уже подросток.

Описывая деривацию русских имен, А. Вежбицкая отмечает, что в русской культурной традиции исключительно важную роль играет «степень интимности личных отношений» [1, с. 49–50]. Четкая дифференциация производных имен собственных, включающих сокращенные, ласкательные, уменьшительные и фамильярные формы, возможна только в контексте.

В белорусском языке в бытовой коммуникации, как уже было отмечено выше, употребляются разнообразные уменьшительно-ласкательные (*Цімоша, Данік, Паўлуша, Аркаша, Санік*) и усеченные формы собственных имен (*Алесь, Віця, Федзя, Сцяпа*). Разговорно-бытовые формы могут образовываться при помощи разнообразных суффиксов: *-ка (-ко)* – *Алежка, Барыска, Ігнатка(о), Мыколайко*; *-ік (-ык)* – *Антонік, Петрык, Борык*; *-ак, -ок (-ёк)* – *Барысок, Якубок, Ромак, Ванёк, Віцёк*; *-чык* – *Навумчык, Мішчык*; *-ша, -аша(-оша), -уша (-юша), -еш(-ёш), -яш* – *Паўлуша, Харытоша, Геша, Таляш, Мыцёш* и др.

Особенностью антропонимической системы белорусского языка является наличие диалектных форм обращений: *Дзёмка, Ваньш*, т.е. можно постулировать территориальную закреплённость не только самих антропонимов, но именно их уменьшительно-ласкательных форм [7]. Каждое имя приобретает соответствующую окраску в той среде, где употребляется.

В обозначенной тональности дискурсивного употребления имен собственных испанский язык реализует разные структурные варианты. Прежде всего, это разнообразные гипокористические формы имен собственных, образованных от супплетивных основ (*Paco* < *Francisco*), а также посредством усечения начальной (*Tina* < *Ernestina*, *Toni* < *Antonio*) либо финальной части (*Isa* < *Isabel*, *Cata* < *Catalina*) полной формы имени собственного. В некоторых случаях возможно одновременное усечение начальной и финальной части антропонима, например: *Gus* < *Agustín*.

При упрощении финальной части имени собственного зачастую добавляется гипокористический суффикс *-i*: *Susana* > *Susi*, *Pilar* > *Pili*, *Beatriz* > *Beti*, *Patricia* > *Pati*, *Victoria* > *Viki*. Исследователи фоносимволизма постулируют наличие у звука [i] положительно окрашенных коннотативных значений, проявляющихся в разных языках, которые связываются с понятиями «объектов малого размера», «маленький», «ребенок», «нежность», т.е. с детоцентрической коммуникацией, которая изначально является сферой функционирования диминутивов [9]. Эти значения коррелируют со значением, которое реализует финаль *-i*, функционируя в качестве уменьшительно-ласкательного суффикса не только имен собственных, но и сочетаясь с терминами родства (*mami*, *papi*), метафорическими номинациями (*gordí*), в нежном и ласковом общении взрослых с маленькими детьми, а также в качестве экспрессивного диминутива при доброжелательно-ласкательной тональности речи (*churri*, *chiqui*, *bobi[s]*, *cari*, *siqui*, *guapi[s]*).

Во многих индоевропейских языках этот суффикс является продуктивным в обозначенном дискурсивном поле. Например, в английском: *daddy*, *mammy*, *granny*, *Charlie*, *Tommy*, *Billy*, *Betsy*. В испанском языке при заимствовании английских имен собственных сохраняется форма соответствующего гипокористика: *Micky/Miki*, *Dani*, *Juli*. Ср. примеры из немецкого языка: *Heini*, *Kathi*, *Olli*, *Pauli*; французского языка: *bibi*, *mimi*, *Cathy*, *Kiki*, *Titi*, *Gaby*, *Lily*, *Suzy/Zizi* (подробнее об этом см. [9]).

Примечательно, что в целом для фонетической системы испанского языка не характерны существительные, заканчивающиеся на *-i*, их крайне мало, и в основном это заимствования: *agutí*, *carmesí*, *jabalí*. Но в доброжелательно-ласковой тональности речи обозначенных ситуаций общения он используется достаточно уверенно, главным образом в сфере антропонимики: «la terminación en *-i* no se da en nombre patrimonial alguno en castellano (ni siquiera en los nombres propios), pero es frequentísima en hipocorísticos» [9]. Таким образом, неспецифичный суффикс имени существительного как части речи закрепляется в узкой сфере коммуникации и употребляется с определенным прагматическим значением. В славянских языках можно провести схожую типологическую параллель: в сфере аффективного именованья с оттенком мелиоративности закрепились формы с финалью на *-ша*: *Тимоша*, *Антоша*, *Витюша*, *Саша*, *Гриша*, *Паша*, *Миша*. Ср. возможные варианты с суффиксом *-к*: *Тимошка*, *Антошка*, *Витюшка*, *Сашка* и др. Исследуя системно-грамматические функции диминутивов в речи ребенка, В. Д. Воейкова указывает, что диминутивы позволяют значительно упростить систему типов склонения в русском языке и унифицировать финаль непродуктивных слов разных типов склонения, т.е. упростить процесс усвоения родного языка [2].

Палатализация начальной, финальной и срединной частей испанских имен собственных является еще одним продуктивным средством фонетической эксп-

рессии в испанском языке: *Chelo* < *Consuelo*, *Nacho* < *Ignacio*, *Chus* < *Jesús*, *Merche* < *Mercedes*, *Manacho* < *Manuel Ignacio*, *Chema* < *José María*. Вероятно, процессу палатализации щелевых звуков (альвеолярного [s] и интердентального [θ]) способствуют гласные переднего ряда [i, e], при этом звуки [s, θ] трансформируются в палатальный [ç]. Указанное явление хорошо иллюстрируют следующие примеры: [se], [θe] > [ç]: *Vicente* > *Chente*, *Mercedes* > *Merche*, *Marcela* > *Chela*, *Sergio* > *Chejo*; [si], [θi] > [ç]: *Silvio* > *Chivis*, *Rocío* > *Chío*, *Alicia* > *Licha*; *Ignacio* > *Nacho* [8].

Уменьшительно-ласкательная форма обращения в сочетании с соответствующей мелодикой речевого акта передает прагматическое значение положительного отношения к адресату, в отличие от полной формы обращения, иллюкуция которой может быть связана с указанием на желание проконтролировать, сделать замечание и пр. (основная функция – вокативная, второстепенная – оценочно-характеризующая). Начальная позиция обращения в высказывании реализует вокативную функцию, служит для привлечения внимания, а также задает смысловую перспективу. В. В. Звягинцева выделяет в этом случае функцию инференциального прогнозирования высказывания, которая позволяет адресанту программировать определенный перлокутивный эффект, а при ее правильном декодировании адресатом выстраивать соответствующую стратегию речевого поведения [3]. Обращение в финальной позиции усиливает иллюкутивную составляющую высказывания (вопрос, ирония, просьба и др.). Актуализируясь в речи, обращение несет в себе предикативность и согласуется с иллюкутивной силой, соответствующей коммуникативному акту. Данное наблюдение относится в равной степени к трем сопоставляемым языкам.

Особенности образования и употребления гипокористик представляют собой довольно сложную тему при кажущейся простоте и прозрачности. Она требует более тщательного исследования языковых фактов, причем должны учитываться многие факторы: собственно языковые, диахронические, социально-статусные, поскольку даже такая первичная систематизация сходств и различий позволяет обозначить динамику синхронии и обнаружить определенные тенденции развития данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз; вступит. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
2. *Воейкова, М. Д.* Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком [Электронный ресурс] / М. Д. Воейкова. – СПб., 2004. – Режим доступа : <http://iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html>. – Дата доступа : 15.01.2021.
3. *Звягинцева, В. В.* Обращение в семейном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Звягинцева. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2011. – 21 с.
4. *Рыжова, Л. П.* Обращение как компонент коммуникативного акта : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Рыжова. – М., 1982. – 15 с.
5. *Толстой, Л. Н.* Воскресенье [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/1462/p.2/index.html>. – Дата доступа : 15.01.2021.
6. *Усціновіч, А. К.* Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2011. – 240 с.
7. *Шумская, Г. А.* Размоўна-бытавыя формы асабовых імён Брэстчыны / Г. А. Шумская [Электронны рэсурс] // Беларуская анамастыка / пад рэд. М. В. Бірылы, В. П. Лемцюговавай. – Мінск, 1985. – Рэжым доступу : http://lingvarium.org/maisak/data/Shumskaya_1985+toc.pdf. – Дата доступу : 15.01.2021.
8. *Espinosa Meneses, M.* De Alfonso a Poncho y de Esperanza a Lancha: los Hipocorísticos [Recurso electrónico] / M. Espinosa Meneses // Primera revista electrónica especializada en comunicación. – 2001. – № 21. – Modo de acceso : http://www.razonypalabra.org.mx/anteriores/n21/21_mespinosa.html. – Fecha de acceso : 16.01.2021.
9. *Monzó Gallo, C.* Hipocorísticos en /-i/: iconismo fonético de la afectividad / C. Monzó Gallo // Revista española de lingüística. – Madrid : SeL – 2017. – № 47/2. – P. 7–28.